

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

В. А. Пуляркин

СКОТОВОДСТВО В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ИНДИИ

Тезис об отсталости индийского и вообще южноазиатского скотоводства (понимаемого здесь в узком значении этого слова как разведение крупного рогатого скота и буйволов) стал уже общеизвестной, можно сказать, банальной истиной. И действительно, на первый взгляд трудно, пожалуй даже невозможно, спорить с этим утверждением, особенно побывав в Индии и увидев на ее дорогах, и пустырях измученных худых коров, с трудом бредущих в поисках корма и, кажется, совсем не пользующихся заботой и вниманием со стороны своих хозяев.

Ясны, казалось бы, и причины такого положения: малоземелье крестьянских хозяйств не позволяет им выделять достаточные площади под посевы фуражных культур, а пастбищных угодий в Индии явно не хватает, особенно в главных сельскохозяйственных районах, которые сильно распаханы. Религиозные традиции индусов, запрещающие забой крупного рогатого скота, приводят к сохранению в стаде старых, больных, малопродуктивных животных и тем самым еще усугубляют тяжелую ситуацию. Такова в кратких чертах общая схема, которой объясняют обычно состояние местного животноводства. И хотя ей трудно отказать в убедительности, все же она несколько однобоко отражает действительность.

Причина, по нашему мнению, кроется в «европоцентристском» взгляде на индийское скотоводство. Между тем функции последнего в национальной экономике принципиально иные, чем в странах умеренного пояса. Крупный рогатый скот в Индии разводится отнюдь не ради молока и мяса, как в Европе, а в качестве тягловой силы. В результате на первый план выдвинулись не коровы, а волы, на которых по существу держится все земледельческое производство. Полевые работы, подъем воды на поверхность из колодез, перевозка грузов — все это в сельских районах Южной Азии выполняет преимущественно крупный рогатый скот (а также буйволы). От него же зависит сохранение плодородия почвы; поэтому не следует удивляться, что навоз составляет одну из важнейших статей животноводческой продукции. Напротив, это представляется вполне закономерным в тех условиях, когда скотоводство служит как бы осью, скрепляющей между собой различные подразделения сельскохозяйственного производства.

Возможно, ни в одном другом регионе земного шара скотоводству не принадлежит столь существенная экономическая роль, но она выражается не через объем животноводческой продукции, а функционально, ибо лишь наличие крупного рогатого скота обеспечивает вы-

полнение всего цикла сельскохозяйственных работ в южноазиатской деревне. Поэтому прямые сопоставления по продуктивности данной отрасли в пределах региона, в частности в Индии и в зоне умеренного климата, нельзя считать обоснованными. В странах Южной Азии скотоводство практически не стало еще специализированной отраслью, его можно в известной мере считать здесь скорее своеобразным элементом инфраструктуры в сельском хозяйстве. Корова же в этих условиях нужна в первую очередь как средство воспроизводства стада.

Производственное назначение крупного рогатого скота теснейшим образом сказывается на размещении его поголовья. В общем виде можно утверждать: чем сильнее распаханность, тем больше требуется тягловых животных для обработки земли. Поскольку степень распаханности территории тесно связана с плотностью сельского населения, в Индии именно в районах с густым населением наблюдается и сосредоточение стада крупного рогатого скота. В результате некоторые авторы не без основания писали об экономическом парадоксе Индии: районы с минимальной обрабатываемой площадью в расчете на 1 человека характеризуются относительно высокой концентрацией крупного рогатого скота, и насыщенность им в расчете на 1 га посевов прямо пропорциональна плотности сельского населения и обратно пропорциональна площади посевов, приходящейся на одного жителя [25, 12].

Последствие такого положения очевидно — поголовье концентрируется в важнейших земледельческих районах, где основная часть территории давно уже пущена под плуг и потому особенно плохо обстоит дело с пастбищными угодьями. Известный специалист по географии Индии О. Спейт отмечал: «В этих районах скученность населения зачастую настолько велика, что для самой деревни едва находится место среди моря распаханых земель, а следовательно, никаких лугов, никаких постоянных пастбищ, никаких кормовых культур здесь нет и в помине, есть только пустоши, которые в наиболее перенаселенных частях равнины Ганга сведены к маленьким клочкам по обочинам дорог. В иных местах имеющийся корм — главным образом рисовая, пшеничная и просяная солома — идет в первую очередь рабочему скоту — волам; коровам же предостается самим заботиться о себе. К апрелю — маю, в разгар жаркой погоды, соломы остается уже очень мало. Подъедена и стерня, во многих районах на деревьях почти нет листьев, а скудная растительность пустошей, грубая, пучковатая и малопитательная или же охраняемая неистовой стражей колючек, превратилась, по существу, в массу сохшейся клетчатки. В это время в большинстве районов Индии скот выглядит просто ужасно — это обтянутые шкурами скелеты, бредущие, пошатываясь, туда, где есть хоть немного тени» [4, 244—245].

В приведенной цитате отмечается прежде всего узость местной кормовой базы, но мимоходом засвидетельствовано также предпочтение, оказываемое крестьянами своему рабочему скоту. То же подтверждает высказывание одного из индийских этнографов: «Вопреки распространенному представлению, крестьяне, насколько позволяют им ресурсы, очень заботятся о своих животных. Вола усиленно используют на полях в июне — августе, а в последующие месяцы, когда работы становится меньше и изможденный скот получает отдых, крестьянин иногда поднимается ночью, чтобы дать волам молодых рисовых побегов» [34, 219]. Количество имеющегося в хозяйстве рабочего скота в известной мере влияет на общественный статус крестьянина. Обследование одной из деревень близ Майсура показало, что почти

в каждом дворе есть пара волов, но из-за недостатка пастбищ лишь немногие могут содержать корову или буйволицу с целью получения молока и навоза. Землевладельцы сдают участки в аренду только тем хозяйствам, которые располагают собственными волами, поэтому даже безземельные крестьяне стремятся приобрести тягловую упряжку. Отсутствие своего скота не позволяет крестьянину провести сельскохозяйственные работы в требуемые сроки — весьма короткие в условиях муссонного климата, что заметно отражается на урожайности. Богатые собственники земли иногда содержат больших, мощных волов в престижных целях. В последнем случае крупный рогатый скот сохраняет значение главного мерил богатства, характерное для ранних стадий товарного обмена и отчетливо прослеживаемое также в странах Тропической Африки.

Уже в довоенное время Британская королевская комиссия по сельскому хозяйству в Индии писала о замкнутом круге, в котором находится скотоводство субконтинента. Объясняется это тем, что поголовье крупного рогатого скота в каждом земледельческом районе регулируется требованиями на волов, спрос на которых тем выше, чем сильнее распаханность. Таким образом, чем хуже условия для содержания скота, тем в большем количестве он нужен. Диспропорция между кормовыми ресурсами и наличным поголовьем ведет к ухудшению качества стада. Тягловый скот становится маломощным, и его требуется, в расчете на единицу обрабатываемой площади, все больше и больше. И наконец, наступает такая стадия, при которой волов и буйволов приходится ввозить из других областей субконтинента. Подобное положение уже в колониальный период очень отчетливо наблюдалось в Бенгалии [2, 57, 99, 137 и др.; 13, 88]. В независимой Индии Западная Бенгалия по-прежнему находится впереди других областей по насыщенности сельского хозяйства рабочим скотом: в середине 50-х годов в штате на каждые 40 га чистой посевной площади приходилось 41 тягловое животное при среднеиндийском показателе 21, т. е. в 2 раза меньшем. Такой разрыв, несомненно, обусловлен прежде всего плохим качеством бенгальского скота. Для сравнения укажем, что в Пенджабе (включая современный штат Хариану) в те же годы 40 га чистой посевной площади обрабатывались с помощью лишь 14 голов рабочего скота [38, 228], но зато последний по своим кондициям выделяется в лучшую сторону в масштабе всего субконтинента.

Следует указать еще на некоторые факторы, влияющие на насыщенность сельского хозяйства тягловым скотом и тем самым на географию последнего. К их числу относятся особенности почвенного покрова: на легких почвах полевые работы проводятся при значительно меньшей численности тяглового скота, чем на тяжелых, глинистых землях. Например, в центральных районах географической области Пенджаб обычная норма для упряжки рабочего скота составляет в сезон около 6 га. Зато на юго-востоке Пенджаба, где почвы значительно легче, пара рабочих животных может обрабатывать до 8 и даже 10 га пашни. Сходные данные приводятся и для Южной Индии — в среднем 6 га, но на черных хлопковых почвах хорошая упряжка вспахивает до 12—16 га [32, 118].

Отраслевая структура земледелия также относится к числу важнейших факторов, воздействующих на концентрацию рабочего скота. Рисоводческие районы предъявляют повышенный спрос на рабочий скот, который здесь к тому же быстро выходит из строя и нуждается в частой замене. Обычно пара волов обрабатывает около 2,5 га рисовых полей; что же касается интенсивно используемых приусадебных

земель в рисоводческой зоне, то для них нормой служит 1 упряжка на 0,8 га [там же].

Орошаемое хозяйство нуждается, естественно, в значительно большем поголовье рабочего скота, чем неполивное. Во-первых, по материалам Андхра Прадеша, на 1 га орошаемых земель требуется по меньшей мере в полтора раза больше затрат труда при пахоте, чем на 1 га суходольных [30, 78]. Во-вторых, ирригация вызывает интенсификацию производства, в частности благодаря использованию второго полевого сезона в году, что резко увеличивает нужду в тягле. В-третьих, рабочий скот требуется для обслуживания мелких ирригационных сооружений. Внедрение дизельных и электрических насосов действует в обратном направлении; так, в одной из деревень в Бароде по указанной причине поголовье рабочего скота уменьшилось со 132 в 1930/31 г. до 89 к 1949 г., когда животные стали использоваться только для тягла [33, 26].

Следует заметить, что в большинстве районов Индии, несмотря на, казалось бы, численно огромное поголовье, ощущается нехватка рабочего скота. Так, для бывших хайдарабадских округов Андхра Прадеша указывалось, что пара волов приходится в среднем на 7,2 га пашни, тогда как рациональной нагрузкой следовало бы считать 4 га [30, 78]. Аналогичное положение отмечено и для ряда районов индийского Панджаба — Амбала, Патияла и Гургаона, несмотря на завоз скота из харианских округов [37, 29].

Хорошие тягловые животные по своей цене недоступны среднему крестьянину. Поэтому часто он вынужден ставить в упряжку корову, стоимость которой в несколько раз ниже. В Панджабе, например, в округе Хисар в конце 50-х годов даже молочные коровы продавались за 100—235 рупий, тогда как цена тяглового скота была от 245 до 450 рупий [25, 128]. Более медлительные буйволы популярны в рисовых районах, поскольку эти животные хороши для работы на затопленных полях; но все же тягловый буйвол ценится примерно в два раза дешевле вола.

В целом по Индии на конец 50-х — начало 60-х годов потребность в тягле оценивалась в 120 млн. голов (при наличии около 60 млн. хозяйств — из расчета минимум 1 упряжка на хозяйство), но фактически в стране насчитывалось менее 70 млн. рабочих волов. Это значит, что около двух третей крестьянских дворов не имеют в достаточном количестве тяглового скота [17, 220]. Таким образом, можно говорить еще об одном парадоксе индийского животноводства — нехватке рабочего скота при огромном, казалось бы, поголовье. Очевидно, в первую очередь это относится к маломощным хозяйствам, которые плохо обеспечены скотом как в абсолютном исчислении, так и в расчете на единицу обрабатываемой площади. Последнее подтверждается результатами всеиндийского обследования, проведенного в начале 50-х годов Резервным банком, на примере районов с развитым торговым земледелием, тогда как в районах с преимущественно потребительским земледелием крупные хозяйства ведут относительно интенсивное производство, что сказывается на их показателях насыщенности скотом (табл. 1).

Сравнение дистриктов, отнесенных к разным типам, помогает уловить тенденцию, выражающуюся в поляризации социальных групп в деревне. Материалы обследования показывают, что с развитием капиталистических отношений крупные хозяйства начинают вырваться вперед по насыщенности скотом. Причем это относится прежде всего к тягловому скоту, так как число молочных животных остается обычно стабильным даже с увеличением размеров хозяйств (среди послед-

них исключение составляет очень небольшое число хозяйств, специализирующихся на продаже молока и молочной продукции). Именно к такому заключению пришли авторы обследований деревень близ Дели [36, 347, 52] и одной западнобенгальской деревни [7, 71]. Следует еще учесть, что мелкие хозяйства обладают обычно плохим по качеству скотом и хуже оснащены современными сельскохозяйственными машинами и орудиями.

Таблица 1

Обеспеченность скотом групп хозяйств в районах с различной степенью развития торгового земледелия *

	Группа хозяйства по стоимости валовой продукции	Размер обрабатываемого участка, акры	Стоимость скота, рупии	Стоимость скота на 1 акр пашни, рупии
Дистрикты с развитым торговым земледелием:				
Акола (Махараштра)	низшая	8,2	227,7	27,7
	высшая	78,6	3827,0	48,7
Махбубнагар (Андхра Прадеш)	низшая	8,2	532,7	65,0
	высшая	98,2	3155,0	32,1
Коимбатур (Тамилнаду)	низшая	5,0	316,9	63,4
	высшая	22,0	2507,9	114,0
Дистрикты со слабо развитым торговым земледелием:				
Биласпур (Мадхья Прадеш)	низшая	4,5	192,2	42,7
	высшая	60,1	3035,7	55,1
Самбалпур (Орисса)	низшая	3,7	228,0	61,6
	высшая	85,3	4466,7	52,8
Бурдван (Западная Бенгалия)	низшая	2,7	355,5	131,7
	высшая	29,4	1352,9	46,0
Султанпур (Уттар Прадеш)	низшая	1,8	184,4	102,4
	высшая	11,0	1228,5	111,7

* [3, 26—27]. Последняя графа рассчитана нами.

Дефицит рабочего скота, отмечаемый в большинстве районов субконтинента, наблюдается одновременно с «перегруженностью» стада животными, потерявшими всякую ценность для экономики. Правда, эти старые, больные и непродуктивные животные не пользуются вниманием крестьянина, который предоставляет им самим заботиться о прокорме, выгоняя их со двора утром на весь день. Таким образом, животные не составляют конкуренции для человека в отношении продуктов питания. Польза от них есть — навоз, пока они живы, шкура — после смерти. Но, разумеется, эта часть стада все же ложится дополнительным бременем на и без того напряженный кормовой баланс страны. В этом случае можно считать, что интересы каждого отдельного хозяйства расходятся с национальными интересами отрасли. Обычно долю указанных животных в общем поголовье крупного рогатого скота оценивают примерно в 10% [11, 1]. Число же малоценных животных значительно больше — они составляют около половины всего поголовья [12, 72]. Рассуждая теоретически, замена их скотом лучших кондиций положительно сказалась бы на показателях животноводства, но на этом пути много трудностей.

Среднему крестьянину трудно поддерживать чистоту породы своего скота, который значительную часть года пасется в общем деревенском стаде на скудных общественных выгонах или без призора бродит по пустырям и жнивью. Главное же то, что в качестве необходимой предпосылки для коренного улучшения положения в индийском скотовод-

стве требуется решить проблему кормов. В частности, по мнению специалистов [28, 143; 42, 90—92], Индию нельзя считать страной, где оправдан круглогодичный выпас скота, хотя это и является сложившейся практикой. В большинстве районов страны эффективный пастбищный сезон длится не свыше 4—5 месяцев в году, но даже в эти месяцы питательная ценность трав недостаточна, чтобы поддерживать высокопродуктивный скот. Особенно во влажных районах травы лишь на очень короткий срок сохраняют высокую питательность, после чего в них резко сокращается содержание белков и увеличивается содержание клетчатки.

Положение с течением времени ухудшается в связи с продолжающейся в стране распашкой пастбищных угодий, причем этот процесс распространяется в первую очередь на лучшие из пастбищ. Многие общинные выгоны выбиты уже до такой степени, что числятся кормовыми угодьями лишь формально. Требуется их постепенное восстановление, для чего рекомендуется на несколько лет выводить их мелкими частями из оборота и эксплуатации [39, 4]. Однако при существующей перегрузке пастбищных угодий это вряд ли может исправить положение. Внедрение товарных культур в земледелие Южной Азии тоже отрицательно сказалось в ряде случаев на кормовой базе скотоводства, так как производилось частично за счет фуражных культур. Исключение в этом отношении составил хлопчатник, в севооборот которого неизменно входят кормовые культуры. Последние в районах поливного хлопководства занимают до 20% и более всей посевной площади, в результате эти районы выделяются относительно развитым скотоводством, в том числе молочным.

Все же именно пахотные земли обеспечивают поступление основной части кормов для местного скота. С полей получают, не говоря уже о специально произведенных кормах, также солому и другие побочные продукты земледелия, которые доминируют в кормовом балансе ряда районов, особенно ориентированных на возделывание риса. Но производство концентрированных кормов в полеводстве экономически не оправдывается в условиях низкой продуктивности скотоводства в регионе. Отрицательно сказывается на местной кормовой базе практикуемый экспорт семян и жмыхов масличных культур, которые могли бы служить ценным подспорьем при содержании породистого тяглого и молочного скота. В целом нехватка концентрированных кормов больше всего ощущается в рисоводческой зоне, где потребность в них удовлетворяется за счет собственного производства лишь на 25%, тогда как в просяной зоне — на 30 и пшеничной — на 55% [39, 50—51].

Стерня, а также пары и залежные земли служат фактически главными выгонами. Прежде всего это справедливо для густонаселенных территорий, характеризующихся высокой распаханностью: так, «в большинстве районов Бихара вся местность после жатвы риса превращается в сплошное пастбище» [29, 204].

Дополнительно в качестве пастбищных угодий в Индии широко используются леса. Они сохранились преимущественно в горных и возвышенных пересеченных районах, где и получила наибольшее распространение практика содержания скота в лесах. В одних случаях интересы животноводства и лесного хозяйства при этом совпадают, так как с поеданием скотом травы уменьшается опасность лесных пожаров, в других — противоречивы, особенно в тех лесах, где ведется заготовка древесины. На крутых склонах выпас скота, в особенности тяжеловесных буйволов, часто приводит к развитию эрозионных процессов, что в итоге нанесло большой ущерб, например, ценным смешанным лесам

у подножья Гималаев. Особенно тяжелое положение складывается вдоль скотопрогонных трасс и близ водоемов, где наблюдается большая концентрация скота.

Возможности для ведения смешанного хозяйства, в котором рационально сочетались бы интересы земледелия и скотоводства, появляются на поливных участках размерами минимум 2 га, по данным Махараштры, и 3 га и более — близ Дели, но на неорошаемых землях крестьянин в этих целях должен располагать наделом примерно в 10 га [39, 8]. Очевидно, большинство хозяйств не имеет возможности для развития подобного многоотраслевого производства и вынуждено отодвигать нужды скотоводства на второй план.

Напряженность кормового баланса в стране, естественно, выдвигает вопрос о сокращении поголовья крупного рогатого скота. Помимо наличия значительного числа абсолютно бесполезных животных, о чем уже упоминалось выше, поголовье излишне «разбухает» также от того, что многомиллионный отряд рядовых крестьянских дворов не обладает возможностями для приобретения хорошего скота и удовлетворяет свои потребности за счет все большего числа посредственных животных. Между тем улучшение условий содержания крупного рогатого скота признается в качестве главной предпосылки для поднятия его кондиций: эффективность работы волов благодаря этому может быть повышена примерно на 30%, еще на 15% ее можно увеличить за счет улучшения породности скота и также на 15% — путем борьбы с болезнями [19, 17]. Аналогичным образом производство молока в регионе можно утроить при меньшем поголовье коров, если соответствующим образом кормить и содержать их на протяжении 2—3 поколений [39, 13].

В этих условиях встает вопрос о религиозных традициях индуизма как о еще одном препятствии на путях подъема скотоводства. Признание коровы священным животным в Индии восходит к глубокой древности. Уже во времена вед существовала школа мыслителей, которая протестовала против убоя столь полезного животного, как корова. Того же взгляда позднее придерживался и Будда. Это не позволяет согласиться с мнением, что вегетарианство есть в конечном счете результат высокой плотности населения в Индии [26, 142]: еще на рубеже XVI—XVII вв. численность населения здесь составляла, видимо, лишь около 100 млн. [14, 25] и имелись значительные ресурсы неиспользованных пахотопригодных земель, а также намного лучше обстояло дело с пастбищными угодьями. Другое объяснение исходит фактически именно из признания этого факта: поскольку в прошлом с кормами и пастбищами положение было явно лучше, то и возникла традиция не убивать крупный рогатый скот, поскольку его сравнительно легко было содержать [11, 1]. Нам представляется справедливым мнение чешских ученых: «Самым священным животным индуистов считается корова. Объяснить это явление одной или двумя причинами невозможно. Развитие данного представления было несомненно сложным. В ведийский период арии занимались разведением скота, и, хотя в те времена после жертвоприношения еще съедали говяжье мясо, исключительное положение коров среди прочих животных берет свое начало именно отсюда. Корова была мерой стоимости у древних индийцев. Одно из санскритских слов, означающих «сражение», буквально расшифровывалось как «стремление получить коров». Их использовали очень широко, и в какой-то степени от этого зависело само существование индийцев. Позднее брахманы провозгласили корову воплощением всех божеств. Все ее продукты считаются священными и очистительными» [1, 399—400].

Особо важная роль, которая принадлежит крупному рогатому скоту в процессе сельскохозяйственного воспроизводства, объясняет тот ореол, которым окружена корова в Индии, но вряд ли отсюда непосредственно можно вывести объяснение обычая вегетарианства и заповеди «не убий», которая у правоверных индуистов распространяется на каждое живое существо. Разумеется, эти религиозные догмы препятствуют экономическому прогрессу, но придавать им первенствующее значение не следует. В частности, положение с животноводством в мусульманской Восточной Бенгалии обстоит не лучше, чем в соседней Западной Бенгалии. Конечно, можно сослаться на сильное влияние там индуистских традиций и пережитков, но основная причина отсталости местного скотоводства заключается в том же комплексе социально-экономических и природных факторов, которые действуют и в соседних районах Индии. Напротив, в Пакистане природные предпосылки для занятий животноводством более благоприятны благодаря лучшей обеспеченности пастбищными угодьями и засушливому климату, в условиях которого скот реже подвержен заболеваниям и меньше страдает от нападений вредных насекомых, и как следствие эта часть субконтинента выделяется относительно развитым скотоводством.

Таким образом, основная непосредственная причина отсталости индийского животноводства лежит в слабости кормовой базы. Пословица телугу четко говорит: «Нет пастбищ — нет хорошего скота, без скота — нет удобрений, без удобрений — нет урожая» [10, 2], подчеркивая взаимозависимости, существующие в рамках сельскохозяйственного производства. Следует заметить также, что традиция вегетарианства у населения имеет под собой весьма серьезное экономическое обоснование в современных условиях. Таблица 2 показывает, сколько при научно сбалансированной диете требуется одному взрослому продукту в Индии.

Т а б л и ц а 2

**Потребности в продовольствии на одного
взрослого в Индии ***

Вид продукции	Потребность, кг в год	Необходимая земельная площадь, акры
Зерновые	146	0,417
Бобовые	31	0,124
Овощи	104	0,023
Масличные	21	0,210
Сахар	21	0,011
Фрукты	31	0,002
Итого продукты растительного происхождения		0,787
Молоко	67	0,186
Мясо	31	1,550
Всего . . .		2,523

* [31, 80].

Учитывая, что в настоящее время в стране пригодная к распашке площадь насчитывает лишь 0,45 га на 1 жителя, в том числе находится в обработке 0,31 га на 1 человека, указанная выше диета не может стать для Индии реальностью (чтобы содержать 1 молочную корову на отходах земледелия, крестьянин должен располагать участком около 1,2 га; в действительности же в стране на 1 корову приходится около 0,4 га пахотной земли) [там же]. Поэтому возможность улучшения питания за счет продуктов животноводства пока маловероятна не только вследствие их относительно высокой стоимости, но и ввиду земельного «голода» в странах Южной Азии. Особенно возрастает потребность в культурных площадях при вводе в диету мяса, о чем отчетливо свидетельствуют вышеприведенные данные; они подтверждают, что при современном уровне продуктивности сельского хозяйства население Индии фактически не может позволить себе отказаться от вековых обычаев вегетарианства.

Заметим, что отказ от забоя не распространяется на буйволов. Они не считаются у народов субконтинента священными животными. Буйволы заметно уступают волам как тягловый скот, и крестьяне содержат в основном буйволиц для нужд молочного хозяйства. Буйволов же забивают на мясо, и поэтому их доля в стаде сравнительно скромная.

В условиях отсутствия специализированного мясного животноводства забой скота бывает связан с отрицательными последствиями для всего сельского хозяйства. Торговцы скупают молочных животных в сельской местности в конце лактационного периода и продают их на мясо в города. Следует заметить, что и крестьяне-индуисты нередко вынуждены продавать скот прасолам, зная, что животные будут забиты, но не имея возможности прокормить их в засушливый сезон. В противном же случае скот погибает, и крестьянин получает лишь стоимость необработанной шкуры [13, 8]. Для забоя обычно стремятся закупить сильных, здоровых животных. Но даже учитывая все эти факторы, следует считать вредной проведенную правыми партиями в Индии кампанию, направленную на полное запрещение убоя крупного рогатого скота. Объективно она тяжелее всего скажется на бедных хозяйствах, лишенных возможности маневрировать с кормами.

При малом потреблении мяса или целиком вегетарианском питании особую роль приобретают молоко и молочные продукты, поскольку они становятся почти единственными источниками белков животного происхождения для населения в большинстве районов Индии. Определенное исключение составляет лишь приморская полоса, где часть жителей занята рыболовством.

Потребность в молоке для жителя региона была оценена в 40-х годах примерно в 280 г в сутки (10 унций), но поскольку подобная цифра была и остается нереальной, то эта норма была снижена почти вдвое (до 6 унций в сутки). Фактическое положение значительно хуже: в 1965 г. производство молока в Индии составило, например, около 3 млн. л в сутки и на 1970 г. оценивалось не более 10 млн. л (или 0,02 л на 1 человека) вместо расчетных требуемых 90 млн. л [40, 23—24, 40; 41, 28]. Автор этих подсчетов, видный специалист по животноводству развивающихся стран, Р. Уайт полагает, что официальные данные ФАО, согласно которым житель Индии получает в день за счет молока и молочных продуктов около 5 г белка в день, при всей мизерности этой цифры должны считаться завышенными. В этом отношении контраст с развитыми странами получается разительный: в последних потребление белков животного происхождения, по мате-

риалам ФАО, равняется 44 г на 1 человека в день, причем обнаруживается тенденция роста в отличие от стагнационных явлений в Южной Азии.

Молочное хозяйство в стране примерно в равной степени опирается на коров и буйволиц. Но доля последних в производстве молока постепенно растет, по мере увеличения спроса на товарное молоко. Это обусловлено тем, что только в качестве производителя молока держать буйволицу явно выгоднее: удоимость ее выше — в среднем по Индии, например, она составляет около 450 кг молока в год против 170 кг у коровы. Высокая жирность молока буйволиц (до 7—8%) тоже составляет большое достоинство в условиях местного климата, когда 40—45% молочной продукции перерабатывается на топленое масло гхи [32, 128—131]. В последние годы, однако, с увеличением потребления растительного масла доля молока, идущего на изготовление гхи, стала сокращаться, что при недостаточном производстве молока в Индии следует оценить положительно.

Соотношение поголовья буйволиц и коров в крестьянском хозяйстве обусловлено взаимодействием ряда факторов. Буйволицы выносливы, устойчивы к болезням и требуют за собой меньше ухода, чем коровы. К тому же буйволицы обладают замечательной способностью превращать в молоко грубые травы, и в голодные годы прокормить их легче. Однако при наличии достаточных пастбищных угодий, а также при высокой стоимости покупных кормов крестьянину выгоднее держать корову [5, 10; 23, 244—248]. В любом случае о ее вытеснении с крестьянского двора не может быть и речи, так как корова обеспечивает воспроизводство поголовья рабочего скота.

Заметим, что в качестве молочного животного корова не должна утратить свою ценность. Молоко буйволиц хорошо для изготовления гхи, но пить его неприятно из-за высокой жирности. Разбавление же водой приводит к снижению относительного содержания белков и минеральных солей, что уменьшает питательную ценность молока, особенно для детей. Поэтому страна нуждается в увеличении надоя, в первую очередь коровьего молока [6, 51].

Среди многих причин, которые объясняют отставание молочного животноводства в стране, специально следует указать на узость внутреннего рынка. По существу покупное молоко доступно лишь зажиточной городской прослойке. В среднем индийцу требуется работать 1 час 7 мин., чтобы заработать на 1 л молока (в Англии для этого нужно 20 мин.) [20, 203]. Относительно высокие цены на молоко и молочные изделия резко ограничивают спрос, между тем исследования по сравнению экономической рентабельности молочного животноводства и земледелия в индийском Пенджабе в 1964—1965 гг. показали, что для хозяйств, ориентированных на производство пшеницы в сезон раби и кукурузы в сезон хариф, рыночная цена на молоко (0,70 рупий за 1 л) была явно недостаточной, чтобы оправдать коммерческое содержание буйволиц. Ситуация могла измениться лишь при повышении цен минимум на 10% [15, 55].

Если такое положение наблюдалось в Пенджабе — штате с наиболее высоким душевым доходом, то можно с уверенностью утверждать, что в большинстве районов страны экономические условия для развития молочного производства складывались еще менее благоприятно. Этот вывод подтверждает и привлечение показателя подходной эластичности спроса: по суммарным результатам двух обследованной величины этого показателя была определена для всей группы «молоко и молочные продукты» в 1,324 для сельских районов Индии

и 1,459 для городов [24, 85]. В высоком коэффициенте эластичности спроса находит отражение явно недостаточное потребление молока основной массой населения, в результате чего оно стремится при увеличении доходов в первую очередь хотя бы несколько улучшить структуру своего питания. Как показало изучение молочного рынка в г. Дургапуре (Западная Бенгалия), в группе населения с месячным доходом менее 300 рупий потребление молока совсем ничтожно [9, 28—29].

По данным для всей Индии, около 96% молока дают мелкие крестьянские хозяйства, содержащие 1—2 коровы или буйволицы [20, 203]. Даже в окрестностях крупных городов, по материалам обследования 50-х годов одного из районов в непосредственной близости от такого большого города, как Дели, не происходит обособления молочного животноводства в качестве специализированной отрасли. Конечно, влияние Дели ощутимо, особенно в тех частях района, где крестьяне могут ежедневно сами продавать молоко в городе, обходясь без посредников. Однако по-прежнему скотоводство ведется традиционными методами, без перехода на предпринимательские рельсы. Из хозяйств, дающих молоко, 45% содержат лишь 1 молочное животное и только в 4,6% хозяйств оказалось более чем по 5 голов молочного скота, но и то преимущественно для целей воспроизводства стада [36, 4]¹.

Обследованный район как территория, хорошо обслуживаемая транспортными путями, пересеченная оросительным каналом и получающая удобрения за счет сточных вод, обладает неплохими предпосылками для создания сельскохозяйственного производства смешанного направления. Но пока эти возможности остаются не реализованными. Показательно, что среди хозяйств, в которых имелся молочный скот, лишь 3,2% специализировались на молочной продукции, а еще для 71% продажа молока давала второстепенный доход. В тех деревнях района, которые лучше обеспечены кормами, содержится больше молочных животных, но — очередной парадокс! — это не означает заметного увеличения производства молока.

Причина в том, что для крестьянина молочное скотоводство, как уже отмечалось, — второстепенное занятие, которому он может уделить лишь свободное от полевых работ время. Уход за молочными животными поручается старикам и детям, которые пасут скот, заготавливают для него траву, сторожат его и т. п. Чем больше молочного скота в крестьянском хозяйстве, тем меньше заботятся о каждом животном в отдельности. Поэтому, если принять удойность 1 головы скота в хозяйствах района, располагающих 1 коровой, за единицу, то соответствующий показатель в хозяйствах, владеющих 2 коровами, был равен в районе 0,80, в хозяйствах с 3 коровами — 0,71, в хозяйствах с 4 коровами — 0,61, в хозяйствах с 5 коровами — 0,50 и т. д. [36, 47]. Конечно, развитие товарного производства постепенно вносит изменения в отмеченную ситуацию: например, наблюдения в южноиндийской деревне показали, что в помещичьих хозяйствах, поставляющих молоко

---

¹ Сходная картина была выявлена также в западнобенгальской деревне: число молочных животных остается стабильным в категориях хозяйств с площадью земли до 8 га (в отличие от поголовья рабочего скота, которое увеличивается прямо пропорционально размерам землевладений), и лишь в группе крупнейших хозяйств площадью 8—10 га, происходит резкий скачок — рост в три раза на хозяйство. Однако в этом случае коровы содержатся в первую очередь не ради молока, а для получения навоза. Собственно молочного скота на 1 хозяйство независимо от его размера приходится немногим более 2 голов [7, 71].

на рынок, коровы за лактационный сезон дают в три раза больше продукции, чем у крестьян [18, 23—24].

В чем причины медленного перехода крестьянских хозяйств в Индии к товарному молочному животноводству, даже когда для этого, казалось бы, возникают соответствующие условия? Основная причина, видимо, та же, которая препятствует крестьянину увеличивать вложения в земельное производство, несмотря на внешнюю выгодность: требуется решительная перестройка крестьянином своей экономики, превращение хозяйства в коммерческое, со всем вытекающим отсюда риском. Притом риск становится, пожалуй, большим, чем при товарном земледелии, так как к угрозе неурожая (от чего зависит обеспечение скота кормами) добавляется опасность эпизоотий, яловость и т. д.

Выше уже говорилось, что фуражные культуры на полях предназначаются в первую очередь для рабочего скота, а коровы, тем более когда они не дают молока, живут на травах и побочных продуктах земледелия, которые мало что стоят крестьянину. Лишь в лактационный сезон животные получают концентрированные корма, которые покупаются на деньги, вырученные от продажи молочной продукции. Часто молочное скотоводство приносит крестьянину очень скромную прибыль или даже убыток (если учитывать затраты труда), но в рамках его хозяйства оно является традиционным компонентом, по существу необходимым элементом самого образа жизни.

При организации же товарного производства молока крестьянин должен пойти на значительные первоначальные издержки, в частности на приобретение породистого скота, закупки кормов, наем работника и т. д., и коренным образом перераспределить свои заботы между земледелием и животноводством. На доставку молока к потребителю крестьянину жарким южным климатом отпускается лишь 3—4 часа. Продажа молока посреднику ставит крестьянина в зависимое положение и лишает основной части и без того скромных доходов: считают, что крестьянин получает от торговцев лишь около 60% цены за молоко, уплачиваемой покупателем [35, 5].

В этих условиях снабжение жителей городов свежим молоком более чем наполовину обеспечивается за счет собственного «городского» молочного скота [20, 203]. По одной из оценок, в городах Индии сосредоточено 4% молочных коров и около 6% буйволиц, имеющих в стране [21, 165]. С ростом населения в городах заметно увеличилось в них и поголовье молочных животных. На окраинах возникают специализированные хозяйства, содержащие до 20 буйволиц и живущие целиком за счет покупных кормов. Ежедневно в города прибывают крестьянские повозки, груженные соломой, зеленой массой и другим фуражом, который продается на рыночных площадях, подобно тому как это происходило в средневековых городах Европы.

Наличие значительного количества скота в городах ведет и к отрицательным последствиям. Скученность животных, невозможность быстрой уборки навоза создают антисанитарную обстановку, которая способствует распространению эпизоотий и болезней среди населения— бруцеллеза и др. Поэтому власти стремятся ограничить поголовье скота в городах, создавая, в частности, государственные молочные фермы, а также специализированные «колонии» для частного скота, выводимого из городов. Одна из подобных крупных колоний создана в 30 км к северу от Бомбея и насчитывает 15 тыс. молочных животных, дающих в среднем 2,5 тыс. л молока за лактацию. Зеленые корма выращиваются на месте, остальные привозятся, так как земельная

площадь колонии недостаточна, чтобы достигнуть самообеспечения по фуражу. Все производственные операции в колонии осуществляют собственники скота, покинувшие вместе с ним Бомбей. Непродуктивный скот был вывезен из Бомбея в другую, специальную колонию в Паллхате [40, 125].

Подобные колонии были основаны и близ других крупнейших городов субконтинента — Мадраса, Калькутты. И все же неофициальная оценка, сделанная для столицы Западной Бенгалии, свидетельствует, что позиции городских производителей молока остаются еще весьма прочными — в собственно Калькутте они обеспечивают поступление около 75% свежего молока, потребляемого в городе [8, 462].

Опыт создания колоний крупного рогатого скота в целом получил в научной литературе положительную оценку. Но создание подобных колоний следует считать частным решением, не отменяющим поисков наиболее рациональных путей развития молочного скотоводства. Последнее должно оставаться в рамках интегрированного сельскохозяйственного производства. Подъем молочного животноводства в индийской деревне в перспективе представляется нам медленным, постепенным процессом, который должен начинаться с укрепления фуражной базы в тех районах, где для этого имеются наилучшие предпосылки. Предварительным условием служит ослабление напряженности продовольственного баланса, притом на путях интенсификации. Экстенсивное расширение производства продовольственного зерна, характерное в прошлом, все более суживало кормовую базу животноводства и привело к обострению противоречий между двумя важнейшими подразделениями сельского хозяйства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма, М., 1969 (пер. с чешск.).
2. Материалы Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии, т. 1, М., 1935 (пер. с англ.).
3. Растьянников В. Г., Максимов М. А., Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии, М., 1965.
4. Слейт О. Х. К., Индия и Пакистан, М., 1957 (пер. с англ.).
5. Ананд Р. Л., Economic Aspects of Animal Husbandry in Hissar — a Famine Area of Punjab, Lahore, 1945.
6. Arnold F., Pakistan. Economic and Commercial Conditions, May, 1954, London, 1955.
7. Bhattacharjee J. P. and associates, Sahajapur: Socio-Economic Study of a West Bengal Village, Santiniketan, 1958.
8. Bose S., Consumption Demand and Market Structure of Milk in Greater Calcutta, — «AICC Economic Review», New Delhi, 1969, vol. 20, № 17.
9. Bose S., The Milk Market in Durgapur, — «AICC Economic Review», 1969, vol. 20, № 17.
10. Cattle Wealth of Andhra Pradesh, Hyderabad, 1957.
11. Cattle Welfare in Madras, Madras, 1955.
12. Chaudhuri M., An Economic Geography of India, Calcutta, 1953.
13. Das Gupta S. C., The Cow in India, vol. I, Calcutta, 1945.
14. Davies K., The Population of India and Pakistan, Princeton, 1951.
15. Dhawan K. C. and Johl S. S., An Economic Analysis of Dairy Enterprise vis-a-vis Crop Cultivation in Punjab. (A Case Study), — «Indian Journal of Agricultural Economics», Bombay, 1969, vol. 24, № 2.
16. The First Five Year Plan 1955—1960, vol. II, Karachi, 1956.
17. Harris M., The Myth of the Sacred Cow, — «Man, Culture and Animals», Baltimore, 1965.
18. Haswell M. R., Economics of Development in Village India, London, 1967.
19. Human Nutrition vis-a-vis Animal Nutrition in India, New Delhi, 1957.
20. Mann E. J., Impressions of India, — «Dairy Industries», London, 1965, vol. 30, № 3.
21. Matoria C. B., Agricultural Problems of India, Allahabad, 1960.

22. Marsden A., Dairying in India and Pakistan,—«Indian Dairyman», Bangalore, 1956, vol. 8, № 5.
23. Maule J., The Water Buffalo as a Dairy Animal,—«British Agricultural Bulletin», 1953, vol. 6, № 28.
24. Mazumder D. D., Estimates of Increase in Demand for Specific Items of Milk and Milk Products during Fourth and Fifth Five Year Plans,—«Economic Affairs», Calcutta, 1969, vol. 14, № 1—2.
25. Mukherjee P. K. and Gupta S. C., A Pilot Survey of 14 Villages in U. P. and Punjab, New Delhi, 1959.
26. Mukherjee R. K., Food Planning for 400 Millions, London, 1938.
27. Pakistan Census of Agriculture 1960, vol. II, Karachi, 1963.
28. Payne W. J., The Problem of Milk Production in Tropical Countries, I. Introduction,—«Tropical Agriculture», London, 1957, vol. 34, № 2.
29. Prasad K., The Economics of a Backward Region in a Backward Economy. A Case Study of Bihar in Relation to Other States of India, vol. I, Calcutta, 1967.
30. Qureshi A. I., The Economic Development of Hyderabad, vol. I, Bombay, 1947.
31. Rajalakshmi R. and Ramakrishnan C. V., Horticulture in Relation to Nutritional Requirements,—«Plant Foods for Human Nutrition», Oxford, 1969, vol. I, № 2.
32. Randhawa M. S. and others, Farmers in India, vol. 2, New Delhi, 1961.
33. Shah V. and Shah S., Bhuvel. Socio-Economic Survey of Village, Bombay, 1949.
34. Shrinavas M. N., Village Studies and Their Significance,—«The Eastern Anthropologist», Lakhnaw, 1955, vol. 8, № 3—4.
35. Singh H., Key Village in India (The Key Village Scheme), New Delhi, 1961.
36. Sultan M., Survey of Milk Production in the Jamia Development Circle, New Delhi, 1954.
37. Techno-Economic Survey of Punjab, New Delhi, 1962.
38. Techno-Economic Survey of West Bengal, New Delhi, 1962.
39. Whyte R. O., The Grassland and Fodder Resources of India, New Delhi, 1957.
40. Whyte R. O., Milk Production in Developing Countries, London, 1967.
41. Whyte R. O., Livestock Planning for Monsoon Asia,—«Span», London, 1970, vol. 13, № 1.
42. Williamson G. and Payne W. J., An Introduction to Animal Husbandry in the Tropics, London, 1959.